

# Говард Филлипс Лавкрафт

## Праздник

(The Festival)

*Efficiat Daemones, ut quae non sunt, sic tamen quasi  
sint, conspicienda hominibus exhibeant.*

### *Lactantius*

Я оказался далеко от дома, на восточном побережье, и море меня зачаровало. В сумерках слышно было, как оно тяжело бьется о камни, и я знал, что оно скрыто от меня всего лишь одной горой, на которой причудливо извивались и корчились ивы на фоне проясняющегося неба с первыми вечерними звездами. Повинуясь воле моих предков, призвавших меня в расположенный у подножия горы старый город, я шел по одинокой, убранной первым снежком дороге туда, где Альдебаран сверкал между деревьями над самым древним городом, которого я еще ни разу не видел, но о котором часто мечтал.

Был канун праздника Юлтайд, и хотя теперь его называют Рождеством, все в глубине души знают, что он старше Вифлеема и Вавилона, старше Мемфиса и вообще человечества. Приближался Юлтайд, и я наконец-то приехал в старый приморский город, в котором мои предки жили и праздновали запрещенный праздник, наказав своим сыновьям праздновать его раз в сто лет, чтобы не угасла память об их тайных знаниях. История моей семьи началась давно, гораздо раньше, чем те триста лет, когда была заселена здешняя земля. Да и странными были мои предки. Диковатые и малоразговорчивые, они явились из тихих южных садов, в которых росли орхидеи, и говорили на другом языке, прежде чем выучились языку голубоглазых рыбаков. Теперь мои родичи рассеяны, и их объединяют лишь таинственные обряды, которых они не понимают. Я единственный, исполняя завет, приехал в тот вечер в старый рыбацкий город, ибо помнят только бедные и одинокие.

В наступивших сумерках я увидел раскинувшийся у подножия горы зимний Кингспорт – заснеженный город с древними флюгерами и шпилями, с островерхими крышами и колпаками дымовых труб, с пристанями и мостами, с ивовыми деревьями и кладбищами, с нескончаемым лабиринтом крутых узких улочек и увенчанной церковью головокружительной горой посередине, на которую время не посмело посягнуть, с бесчисленными стоящими на разных уровнях и под разными углами, словно разбросанные детские кубики, домами в колониальном стиле. Над посеребренными зимой двускатными крышами парила на седых крыльях древность. Окошки над дверьми и небольшие окна на фасадах домов высвечивали в морозных сумерках цепочку до Ориона и других таких же исстари известных звезд. А там, где гнили пристани, тяжело билось о камни море, невидимое и вечное море, из которого в незапамятные времена вышли люди.

Возле дороги, где она круто шла вверх, неожиданно выросла куда более высокая гора – совершенно голая и даже не припорошенная снегом, и я увидел кладбище с черными надгробиями, вылезавшими, как привидения, из белого покрывала и похожими на

гниющие ногти гигантского трупа. На дороге я не заметил никаких следов и не встретил ни одного человека, но иногда мне казалось, будто я слышу в порывах ветра далекий скрип виселицы. В 1692 году здесь казнили за колдовство четверых моих предков, но я не знаю, где именно.

Когда дорога вывела меня на склон горы, смотрящий на море, я ожидал услышать веселый вечерний гомон, но кругом царило безмолвие. Я подумал, что у здешних пуритан могут быть собственные рождественские обычаи и не исключено, что они теперь погружены в тихие молитвы. Итак, не слыша никаких доказательств предрождественского веселья и не видя ни одного человека, я продолжал путь мимо домов, из которых не доносилось ни звука, но в которых горел свет, мимо кирпичных оград, туда, где на безлюдных и немощеных улицах, скудно освещенных занавешенными окнами, поскрипывали на соленом морском ветру вывески старинных лавок и кабаков и поблескивали смешные дверные молотки.

Я видел карты города и знал, как выйти к дому моих предков. Мне говорили, что меня узнают и приветят, ведь деревенские обычаи долговечнее городских, и я торопливо шагал по Бэк-стрит к Серкл-корт, а потом по свежему нетронутому снежку на единственной уложенной камнем площади к Грин-лейн, где она сворачивает за рынок. Старые карты меня не подвели, хотя с троллейбусной линией в Аркхеме что-то напутали, потому что я не заметил над головой никаких проводов. Впрочем, снег все равно запорошил бы рельсы. Я был рад, что пошел пешком, потому что сверху заснеженный город выглядел удивительно красиво, а теперь мне еще не терпелось постучать в построенный до 1650 года дом моих предков со старинной двускатной крышей и выступающим верхним этажом – седьмой дом слева по Грин-лейн.

Когда я приблизился к нему, в ромбовидных окнах горел свет, и по их очертаниям я понял, что дом остался в точности таким, каким был в прежние времена. Верхний этаж нависал над узкой, поросшей травой улицей, почти соприкасаясь с верхним этажом дома напротив, так что я оказался почти что в туннеле, когда остановился возле каменного крылечка, на которое не падал снег. Тротуаров тут не было, и к входным дверям многих домов вели высокие, в два пролета лестницы с железными перилами. Для меня это было странное зрелище. Прежде я не бывал в Новой Англии и ничего подобного никогда не видел, но мне понравилось, и понравилось бы еще больше, если бы на снегу были следы, по улицам ходили люди и хоть на нескольких окнах не были опущены занавески.

Когда я стукнул в дверь старинным железным молотком, то почувствовал страх. Наверное, он уже копился во мне из-за непонятного моего наследства, из-за холодного вечера и из-за тишины в этом древнем городке со странными обычаями. Когда же на мой стук ответили, я совсем перепугался, потому что не слышал шагов перед тем, как дверь со скрипом отворилась. Но страх скоро прошел, такое у стоявшего в дверях старика в халате и шлепанцах было милое лицо. Показав мне знаком, что он немой, старик написал забавное старинное «добро пожаловать» на восковой дощечке, которую не забыл с собой прихватить.

Он провел меня в освещенную свечами комнату с низким потолком и массивными нависающими балками, уставленную темной мебелью семнадцатого столетия. Прошлое

здесь было как живое, во всех своих подробностях. Я увидел пещерообразную печь и прялку, возле которой спиной ко мне сидела, согнувшись, старуха в огромной шали и чепце мешком и молча работала, несмотря на приближающийся праздник. В комнате почти неуловимо пахло сыростью, и я удивился, почему никому не приходит в голову разжечь огонь. Мне показалось, что кто-то сидит на скамье с высокой спинкой, поставленной слева против занавешенных окошек, хотя я не был в этом уверен. Увиденное мне не очень понравилось, и я вновь ощутил исчезнувший было страх, причем страх становился тем сильнее, чем дольше я всматривался в благостное лицо старика, поначалу успокоившее меня, а теперь ужасавшее своей благостью. Застывшие в неподвижности глаза и восковая кожа навели меня на мысль, что это и не лицо вовсе, а дьявольская маска. Тем временем слабые ручки, почему-то в перчатках, в самых милых выражениях писали на дощечке просьбу немного подождать, потому что пока еще не время идти на праздник.

Показав мне на кресло и на кучу книг, старик ушел, а я сел к столу, решив и вправду почитать, и увидел, что все книги старые и порченные временем. Среди них были давнее издание «Чудес науки» старика Морристера, чудовищный том «Saducismus Triumphatus» Джозефа Гланвиля, напечатанный в 1681 году, ужасная «Daemonolatreia» Ремигия, увидевшая свет в 1595 году в Лионе, и, самое страшное, никогда не упоминаемый «Necronomicon» безумного араба Абдулы Алхазреда в запрещенном переводе на латынь Оляуса Вормия. Эту книгу я никогда в глаза не видел, но о ней шепотом рассказывали самые отвратительные вещи. Никто со мной не заговаривал, и я слышал только какой-то скрип с улицы и жужжание колеса, потому что молчавшая старуха в колпаке ни на мгновение не прерывала своей работы. И комната, и книги, и люди внушали мне болезненное беспокойство, однако легенды моих предков более или менее подготовили меня к необычным празднествам, поэтому я решил ждать. Итак, я взялся за чтение «Necronomicon» и скоро был совершенно поглощен проклятой книгой, мысль и содержание которой были слишком отвратительны для здравомыслящего человека и мне не нравились, как вдруг мне показалось, будто закрыли одно окно напротив скамьи, тайком распахнутое незадолго до этого. Но прежде я услышал жужжание, однако не жужжание старухиной прялки. Это продолжалось недолго. Старуха все так же, не отрываясь, пряла, старинные часы громко отбивали время, и я, забыв о людях на скамье, вновь погрузился в страшное чтение, как вдруг в комнату вошел старик в свободном старинном одеянии и уселся на скамье так, что я не мог его видеть. Ожидание становилось все более неприятным, и богохульная книга у меня в руках лишь усиливала мое волнение. Но вот пробило одиннадцать часов. Старик встал, скользнул к стоявшему в уголке массивному резному сундуку и достал из него два плаща с капюшонами. Один он надел сам, а другой накинул на старуху, покончившую наконец со своей бесконечной пряжей. Оба направились к входной двери. Старуха еле плелась да еще хромала, а старик, подхватив ту самую книгу, которую я читал, кивнул мне, натягивая капюшон на свое неподвижное лицо или маску.

Мы вышли в не освещенный луной лабиринт старинных улочек, как раз когда один за другим гасли огни за занавешенными окнами и Сириус – Песья Звезда – злобно глядел на толпу закутанных в плащи людей, появляющихся из дверей и образующих чудовищные процессии. Они заполонили все улицы и медленно двигались мимо скрипящих вывесок

и допотопных фронтонов, мимо соломенных крыш и ромбовидных окон, разделяясь на отдельные ручейки, когда попадали в узкие проходы между домами, и снова соединяясь в поток, заполняющий все пространство под нависающими верхними этажами ветхих домов и скользящий по площадям и церковным дворам в неверном свете фонарей, напоминавших жутковато-пьяные созвездия.

Я следовал в молчаливой толпе за моими немymi проводниками. Меня пихали локтями, которые казались мне непонятно мягкими, прижимали к ненормально податливым животам и грудям, но я не видел ни одного лица и не слышал ни одного слова. Вверх, вверх, вверх тянулись жутковатые колонны, и я заметил, что они сходятся в одной точке, сводя вместе все обезумевшие улицы на вершине самого высокого холма в центре города, где стояла большая белая церковь. Я обратил на нее внимание, когда в нарождающихся сумерках смотрел с горы на Кингспорт и содрогался, потому что Альдебаран, как мне показалось, несколько мгновений балансировал на вершине призрачного шпиля.

Возле церкви было много свободного пространства, половину которого занимал церковный двор с призрачными колоннами, а половину – мощеная площадь, порывами ветра почти полностью очищенная от снега и ограниченная угрюмой чередой старых домов с двускатными крышами и нависающими верхними этажами. Над могилами плясали огни смерти, освещая отвратительную перспективу, в которой не было места теням. Из той части церковного двора, где дома не загораживали обзор, я увидел сверкание звезд над портом, хотя сам город был погружен во тьму. Правда, время от времени на какой-нибудь улочке зажигался фонарь и извилистым путем спешил к толпе, безмолвно исчезавшей в церкви. Я ждал, пока все скроются в черном проеме, включая опоздавших. Старик тянул меня за рукав, но я решил быть последним. Переступая порог переполненного храма, перед тем как оказаться в пугающе-неведомой тьме, я оглянулся на оставляемый мною мир, и в эту минуту фосфоресцирующий нездоровый свет с церковного двора осветил всю вершину. Я содрогнулся. Хотя сильный ветер смел почти весь снег, все же его немного осталось возле двери, но когда я посмотрел назад, то не увидел на нем ни одного следа, даже моих следов не было.

Внутри церковь была почти погружена во мрак, несмотря на зажженные фонари, ибо большая часть толпы, бесшумно пройдя между высокими скамьями, уже исчезла в люке, который отвратительно разинул пасть перед самой кафедрой проповедника. Я молча шел следом за всеми к стертым ступеням темного душного склепа. Извилистая очередь ночных ходоков была ужасна, но, когда я увидел, как они друг за другом исчезают в старинном склепе, она показалась мне еще ужаснее. Потом я обратил внимание, что лестница круто идет вниз, а мгновением позже сам вместе со всеми шагал по зловещим ступеням из шершавого камня в сырость и непонятную вонь, и узкая винтовая лестница бесконечно вилась в глубь холма, оставляя позади мокрый камень и осыпающийся известняк. Спуск происходил в пугающей тишине, а немного погодя я заметил, что стены и лестница вроде бы стали другими, словно вырубленными в каменной глыбе. Но больше всего меня пугали бесшумные шаги множества ног и отсутствие даже самого тихого эха. Оказавшись еще ниже, я увидел боковые проходы или норы, которые выходили в нашу таинственную шахту из неведомой тьмы. Скоро их стало очень много, и подземные катакомбы начали вызывать у меня ощущение непонятной угрозы, тем более что едкий

гнилой запах сделался почти непереносимым. Я понимал, что мы идем под горой и под Кингспортом, и содрогался от ужаса, осознавая, насколько город стар и сколько зла скопилось под ним.

Неожиданно появился слабый неверный свет, и я услышал коварный плеск не знающих солнца вод. Меня вновь охватила дрожь, ибо мне не нравилось все происходившее, и я горько пожалел о том, что мои предки позаботились известить меня о своем празднике. Когда лестница и шахта несколько расширились, я услышал новый звук, тоненький жалобный стон флейты, и передо мной раскинулся беспредельный простор подземного мира – необъятный ноздреватый берег, освещенный столпом бледно-зеленого пламени и омываемый широкой маслянистой рекой, которая поднималась из неведомой бездны, чтобы влиться в черные воды вечного океана.

Задыхаясь и почти теряя сознание, я смотрел на этот нечестивый Эреб гигантских поганок, лепрозоидный огонь и болотистый поток и видел, как люди в капюшонах встают полукругом возле огненной колонны. Вот он, Юл-райт, который старше человека и переживет человека, доисторический обряд, посвященный солнцестоянию и весне, побеждающей снег, обряд огня и вечной зелени, света и музыки. Он совершался в адском подземелье на моих глазах. Пришедшие кланялись больному пламени и бросали в воду горсти клейкого сока растений, сверкающего зеленью на зеленом свету. Я это видел и видел, как нечто бесформенное, расположившееся в отдалении, беззвучно дует в рожок, но, когда оно дуло в него, мне казалось, я слышу приглушенное губительное хлопанье невидимых крыльев во враждебной мне и непроницаемой тьме. Но больше всего меня испугал выбрасываемый из немыслимых глубин, словно из жерла вулкана, огненный столб без тени, какая полагается здоровому пламени, покрывающий отвратительной ядовитой прозеленью азотистый камень. От этого огня не исходило тепло, наоборот, в нем был холод смерти и тления.

Старик, который привел меня, теперь стоял возле самого огненного столба и, повернувшись лицом к толпе, неуклюже изображал ритуальное действие. В определенные моменты все низко ему кланялись, особенно когда он поднимал над головой отвратительный «Necronomicon», и я тоже кланялся вместе со всеми, потому что меня призвали сюда мои предки. Потом старик подал знак едва заметному в темноте музыканту, и он сменил свое почти неслышное гудение на другое, тоже почти неслышное, но в ином ключе, отчего я неожиданно ощутил еще больший ужас и низко наклонился к покрытой лишаями земле, потеряв голову от страха, но не перед этим миром и не перед каким-либо другим, а перед безумными пространствами между звездами.

Из немыслимой тьмы позади гангренозного ледяного пламени, из адских бездн, по которым шел путь маслянистой реки, нежданно и неслышно явилась пляшущая орда покорных дрессированных гибридных существ с крыльями, каких никогда не видел и даже не мог бы вообразить ни один нормальный человек. Это не были ни вороны, ни кроты, ни канюки, ни муравьи, ни любительницы крови – летучие мыши, ни изуродованные люди. Я не могу вспомнить, да и зачем? Хромая, шлепали они на перепончатых лапах, помогая себе такими же перепончатыми крыльями, и едва приблизились к празднующей толпе, как существа в плащах с капюшонами стали

хватать их и громоздиться на них, и один за другим они скакали прочь по берегу неосвященной реки, исчезая в ужасных ямах и штольнях, где ядовитые ручьи вскармливали страшные запретные потоки.

Старуха, которая пряталась в доме, исчезла вместе с толпой, а старик остался, но только потому, что я отказался последовать за всеми, когда он показал мне на одно из крылатых существ. У меня подогнулись колени, стоило мне заметить, что музыкант исчез, зато рядом терпеливо ждут два зверя. Я отпрянул, и старик, достав стило и восковую дощечку, написал, что он представляет моих предков, которые в этих древних местах учредили культ Юла, что мне было назначено возвратиться сюда и что тайные обряды еще впереди. Все это он написал старинным письмом, а так как я еще медлил, то он достал из складок своего широкого одеяния перстень с печаткой и часы – и то и другое с фамильным гербом, – желая убедить меня в том, что он в самом деле тот, за кого себя выдает. Лучше бы он этого не делал, ибо известные мне семейные документы сообщали о часах, положенных в могилу моего прапрапрадедушки в 1698 году.

Тогда старик откинул капюшон и показал мне на фамильные черты своего лица, отчего я задрожал еще сильнее, так как не сомневался, что вижу дьявольскую восковую маску. Крылатые звери принялись нетерпеливо возить лапами по лишайнику, и, насколько я заметил, старик тоже стал проявлять нешуточное беспокойство. Когда же один из зверей двинулся было прочь, старик стремительно обернулся и схватил его, но с того, что было его лицом, слетела маска. И тогда, так как это чудовище из ночного кошмара загораживало каменную лестницу, по которой мы спустились в подземелье, я бросился в маслянистую адскую реку, которая, бурля, вливалась в море. Я бросился в гнилое варево подземных кошмаров прежде, чем мои истошные крики привлекли ко мне внимание скрытых в чумных водах черных легионов.

В больнице мне рассказали, что меня случайно заметили на рассвете в порту Кингспорта – полузамерзшего, но из последних сил цеплявшегося за доску, посланную мне счастливым случаем. Еще мне рассказали, что на развилке я свернул не в ту сторону и свалился с утеса в Орандж-Пойнт, о чем им стало известно из моих следов на снегу. Я не мог спорить, потому что утром все было не таким, как вечером. Все было не таким. В огромные окна я видел море крыш, и лишь одна из пяти сохранилась от прежних времен, а с улицы доносился шум троллейбусов и машин. Они утверждали, что я в Кингспорте, и я не мог им ничего возразить. Но когда, услышав, что больница расположена возле старой церкви на Центральном холме, я потерял сознание, меня перевезли в Аркхем в больницу Святой Марии, где мне могли обеспечить лучший уход. Здесь мне понравилось, потому что врачи оказались людьми терпимыми и с широкими взглядами и даже достали для меня из библиотеки Мискатоникского университета строго хранимую там книгу «Necronomicon» Абдулы Алхазреда. Правда, они говорили об «остром психозе» и советовали мне выбросить из головы все беспокойные мысли.

Итак, я прочитал страшную главу, вдвойне содрогаясь, потому что не узнал из нее ничего нового. Я сам все видел, что бы ни говорили следы на снегу, но совсем забыл, где видел. И не было никого в часы моего бодрствования, кто бы мог напомнить мне, где я это видел, однако над моими снами властвует страх из-за слов, которые я не смею повторить. Тем не менее я стараюсь быть храбрым и процитирую здесь

один-единственный параграф, в меру моих способностей переведенный мною на английский язык с весьма странной вульгарной латыни.

«Подземные каверны, – пишет сумасшедший араб, – существуют не для любопытных глаз, ибо их чудеса ужасны. Проклята та земля, на которой мертвые мысли живут в новых воплощениях, и порочен тот разум, что не имеет головы. Мудро сказал Ибн Скакабао, что счастлива та могила, в которой не лежит колдун, и счастлив тот ночной город, в котором все колдуны обращены в прах. В старину говорили, что душа, купленная дьяволом, не спешит из кладбищенской глины, но кормит и учит червя, *который ест*, пока из гнили не появится ужасный росток жизни, пока бездумные мусорщики не навоцат его искусно, чтобы рассердить, и не раздуют, чтобы раздражить. Огромные норы роют втайне там, где нужно быть земным порам и где научаются ходить те, кто должен ползать».

*Перевод: Людмила Володарская*

*2000 год*